

ГЛАВА I

Не знаю, право, с чего начать, хотя иногда, в шутку, я сваливаю всю вину на Чарли Фэрасета. У него была дача в Милл-Вэлли, под сенью горы Тамальпайс, но он жил там только зимой, когда ему хотелось отдохнуть и почитать на досуге Ницше или Шопенгауэра. С наступлением лета он предпочитал изнывать от жары и пыли в городе и работать не покладая рук. Не будь у меня привычки навещать его каждую субботу и оставаться до понедельника, мне не пришлось бы пересекать бухту Сан-Франциско в это памятное январское утро.

Нельзя сказать, чтобы «Мартинес», на котором я плыл, был ненадежным судном; этот новый пароход совершал уже свой четвертый или пятый рейс на переправе между Саусалито и Сан-Франциско. Опасность таилась в густом тумане, окутавшем бухту, но я, ничего не смысля в мореходстве, и не догадывался об этом. Хорошо помню, как спокойно и весело расположился я на носу парохода, на верхней палубе, под самой рулевой рубкой, и таинственность нависшей над морем туманной пелены мало-помалу завладела моим воображением. Дул свежий бриз, и некоторое время я был один среди сырой мглы — впрочем, и не совсем один, так как я смутно ощущал присутствие рулевого и еще

кого-то, по-видимому капитана, в застекленной рубке у меня над головой.

Помнится, я размышлял о том, как хорошо, что существует разделение труда и я не обязан изучать туманы, ветры, приливы и всю морскую науку, если хочу навестить друга, живущего по ту сторону залива. Хорошо, что существуют специалисты — рулевой и капитан, думал я, и их профессиональные знания служат тысячам людей, осведомленным о море и мореплавании не больше моего. Зато я не трачу своей энергии на изучение множества предметов, а могу сосредоточить ее на некоторых специальных вопросах, например — на роли Эдгара По в истории американской литературы, чему, кстати сказать, была посвящена моя статья, напечатанная в последнем номере «Атлантика». Поднявшись на пароход и заглянув в салон, я не без удовлетворения отметил, что номер «Атлантика» в руках у какого-то дородного джентльмена раскрыт как раз на моей статье. В этом опять сказывались выгоды разделения труда: специальные знания рулевого и капитана давали дородному джентльмену возможность — в то время как его благополучно переправляют на пароходе из Саусалито в Сан-Франциско — ознакомиться с плодами моих специальных знаний о По.

У меня за спиной хлопнула дверь салона, и какой-то краснолицый человек затопал по палубе, прервав мои размышления. А я только что успел мысленно наметить тему моей будущей статьи, которую решил назвать «Необходимость свободы. Слово в защиту художника». Краснолицый бросил взгляд на рулевую рубку, посмотрел на окружавший нас туман, проковылял назад и вперед по палубе — очевидно, у него были протезы — и остановился возле меня, широко расставив ноги; на лице его было написано блаженство. Я не ошибся, предположив, что он провел всю свою жизнь на море.

— От такой мерзкой погоды недолго и поседеть! — проворчал он, кивая в сторону рулевой рубки.

— Разве это создает какие-то особые трудности? — отозвался я. — Ведь задача проста, как дважды два — четыре. Компас указывает направление, расстояние и скорость также известны. Остается простой арифметический подсчет.

— Особые трудности! — фыркнул собеседник. — Просто, как дважды два — четыре! Арифметический подсчет!

Слегка откинувшись назад, он смерил меня взглядом.

— А что вы скажете об отливе, который рвется в Золотые Ворота? — спросил или, вернее, пролаял он. — Какова скорость течения? А как относит? А это что — прислушайтесь-ка! Колокол? Мы лезем прямо на буй с колоколом! Видите — меняем курс.

Из тумана доносился заунывный звон, и я увидел, как рулевой быстро завертел штурвал. Колокол звучал теперь не впереди, а сбоку. Слышен был хриплый гудок нашего парохода, и время от времени на него откликались другие гудки.

— Какой-то еще парохранишко! — заметил краснолицый, кивая вправо, откуда доносились гудки. — А это! Слышите? Просто гудят в рожок. Верно, какая-нибудь шаланда. Эй, вы, там, на шаланде, не зевайте! Ну, я так и знал. Сейчас кто-то хлебнет лиха!

Невидимый пароход давал гудок за гудком, и рожок вторил ему, казалось, в страшном смятении.

— Вот теперь они обменялись любезностями и стараются разойтись, — продолжал краснолицый, когда тревожные гудки стихли.

Он разъяснял мне, о чем кричат друг другу сирены и рожки, а щеки у него горели и глаза сверкали.

— Слева паролодная сирена, а вон там, слышите, какой хрипун, — это, должно быть, паровая шхуна; она ползет от входа в бухту навстречу отливу.

Пронзительный свисток неистовствовал как одержимый где-то совсем близко впереди. На «Мартинесе» ему ответили ударами гонга. Колеса нашего парохода остановились, их пульсирующие удары по воде замерли, а затем возобновились снова. Пронзительный свисток, напоминавший стрекотанье сверчка среди рева диких зверей, долетал теперь из тумана, откуда-то сбоку, и звучал все слабее и слабее. Я вопросительно посмотрел на своего спутника.

— Какой-то отчаянный катерок, — пояснил он. — Прямо стоило бы потопить его! От них бывает много бед, а кому они нужны? Какой-нибудь осел заберется на такую посудину и носится по морю, сам не зная зачем, да свистит как полоумный. А все должны сторониться, потому что, видите ли, он идет и сам-то уж никак по-сторониться не умеет! Прет вперед, а вы смотрите в оба! Обязанность уступать дорогу! Элементарная вежливость! Да они об этом никакого представления не имеют.

Этот необъяснимый гнев немало меня позабавил; пока мой собеседник возмущенно ковылял взад и вперед, я снова поддался романтическому обаянию тумана. Да, в этом тумане, несомненно, была своя романтика. Словно серый, исполненный таинственности призрак, навис он над крошечным земным шаром, кружащимся в мировом пространстве. А люди, эти искорки или пылинки, гонимые ненасытной жадой деятельности, мчались на своих деревянных и стальных конях сквозь самое сердце тайны, ошупью прокладывая себе путь в Незримом, и шумели и кричали самонадеянно, в то время как их души замирали от неуверенности и страха!

Голос моего спутника вернул меня к действительности и заставил усмехнуться. Разве я сам не блуждаю ошупью, думая, что мчусь уверенно сквозь тайну?

— Эге! Кто-то идет нам навстречу, — сказал краснолицый. — Слышите, слышите? Идет быстро и прямо

на нас. Должно быть, он нас еще не слышит. Ветер относит.

Свежий бриз дул нам в лицо, и я отчетливо различил гудок сбоку и немного впереди.

— Тоже пассажирский? — спросил я.

Краснолицый кивнул:

— Да, иначе он не летел бы так, сломя голову. Наши там забеспокоились! — хмыкнул он.

Я посмотрел вверх. Капитан высунулся по грудь из рулевой рубки и напряженно вглядывался в туман, словно стараясь силой воли проникнуть сквозь него. Лицо его выражало тревогу. И на лице моего спутника, который проковылял к поручням и пристально смотрел в сторону незримой опасности, тоже была написана тревога.

Все произошло с непостижимой быстротой. Туман раздался в стороны, как разрезанный ножом, и перед нами возник нос парохода, тащивший за собой клочья тумана, словно Левиафан — морские водоросли. Я взглядел рулевую рубку и белобородого старика, высунувшегося из нее. Он был одет в синюю форму, очень ловко сидевшую на нем, и, я помню, меня поразило, с каким хладнокровием он держался. Его спокойствие при этих обстоятельствах казалось страшным. Он подчинился судьбе, шел ей навстречу и с полным самообладанием ждал удара. Холодно и как бы задумчиво смотрел он на нас, словно прикидывая, где должно произойти столкновение, и не обратил никакого внимания на яростный крик нашего рулевого: «Отличились!»

Оглядываясь в прошлое, я понимаю, что восклицание рулевого и не требовало ответа.

— Цепляйтесь за что-нибудь и держитесь крепче, — сказал мне краснолицый.

Весь его задор слетел с него, и он, казалось, заразился тем же сверхъестественным спокойствием.

— Ну, сейчас женщины поднимут визг! — сердито, почти злобно проворчал он, словно ему уже приходилось когда-то все это испытывать.

Суда столкнулись прежде, чем я успел воспользоваться его советом. Должно быть, встречный пароход ударил нас в середину борта, но это произошло вне поля моего зрения, и я ничего не видел. «Мартинес» сильно накренился, послышался треск ломающейся обшивки. Я упал плашмя на мокрую палубу и не успел еще подняться на ноги, как услышал крик женщин. Это был неопиcуемый, душераздирающий вопль, и тут меня объял ужас. Я вспомнил, что спасательные пояса хранятся в салоне, кинулся туда, но у дверей столкнулся с толпой обезумевших пассажиров, которая отбросила меня назад. Не помню, что затем произошло, — в памяти моей сохранилось только воспоминание о том, как я стаскивал спасательные пояса с полок над головой, а краснолицый человек надевал их на бившихся в истерике женщин. Это я помню отчетливо, и вся картина стоит у меня перед глазами. Как сейчас вижу я забубренные края пробоины в стене салона и вползавший в это отверстие клубящийся серый туман; пустые мягкие диваны с разбросанными на них пакетами, саквояжами, зонтами и пледами, брошенными во время внезапного бегства; полного джентльмена, не так давно мирно читавшего мою статью, а теперь напавшего на себя пробковый пояс и с монотонной настойчивостью вопрошавшего меня (журнал с моей статьей все еще был у него в руке), есть ли опасность; краснолицего человека, бодро ковылявшего на своих искусственных ногах и надевавшего пояса на всех, кто появлялся в каюте... Помню дикий визг женщин.

Да, этот визг женщин больше всего действовал мне на нервы. По-видимому, страдал от него и краснолицый, ибо еще одна картина навсегда осталась у меня

в памяти: плотный джентльмен засовывает журнал в карман пальто и с любопытством озирается кругом; сбившиеся в кучу женщины, с бледными, искаженными страхом лицами, пронзительно кричат, словно хор погибших душ, а краснолицый человек, теперь уже совсем багровый от гнева, стоит в позе громовержца, потрясая над головой кулаками, и орет:

— Замолчите! Да замолчите же!

Помню, как, глядя на это, я вдруг почувствовал, что меня душит смех, и понял, что и я впадаю в истерику; ведь предо мною были женщины, такие же, как моя мать или сестры, — женщины, охваченные страхом смерти и не желавшие умирать. Их крики напомнили мне визг свиней под ножом мясника, и это потрясло меня. Эти женщины, способные на самые высокие чувства, на самую нежную привязанность, вопили, разинув рты. Они хотели жить, но были беспомощны, как крысы в крысоловке, и визжали, не помня себя.

Это было ужасно, и я опрометью бросился на палубу. Почувствовав дурноту, я опустился на скамью. Смутно видел я метавшихся людей, слышал их крики, — кто-то пытался спустить шлюпки... Все происходило так, как описывается в книгах. Тали заедало. Все было неисправно. Одну шлюпку спустили, забыв вставить пробки; когда женщины и дети сели в нее, она наполнилась водой и перевернулась. Другую шлюпку удалось спустить только одним концом: другим она повисла на таях, и ее бросили. А парохода, который был причиной бедствия, и след простыл, но кругом говорили, что он, несомненно, вышлет нам спасательные шлюпки.

Я спустился на нижнюю палубу. «Мартинес» быстро погружался, вода подступала к краю борта. Многие пассажиры стали прыгать за борт. Другие, уже барахтаясь в воде, кричали, чтобы их подняли обратно на пароход. Никто не слушал их. Все покрыл общий крик: «Тонем!»

Поддавшись охватившей всех панике, я вместе с другими бросился за борт. Я не отдавал себе отчета в том, что делаю, но, очутившись в воде, мгновенно понял, почему люди кругом молили, чтобы их подняли обратно на пароход. Вода была холодная, нестерпимо холодная. Когда я погрузился в нее, меня обожгло, как огнем. Холод проникал до костей; казалось, смерть уже заключает меня в свои ледяные объятия. Я захлебнулся от неожиданности и страха и успел набрать в легкие воды прежде, чем спасательный пояс снова поднял меня на поверхность. Во рту у меня было солоно от морской воды, и я задыхался от ощущения чего-то едкого, проникшего мне в горло и в легкие.

Но особенно ужасен был холод. Мне казалось, что я этого не выдержу, что минуты мои сочтены. Вокруг меня в воде барахтались люди. Они что-то кричали друг другу. Я слышал также плеск весел. Очевидно, потопивший нас пароход выслал за нами шлюпки. Время шло, и меня изумляло, что я все еще жив. Но мои ноги уже утратили чувствительность, и онемение распространялось дальше, подступало к самому сердцу. Мелкие сердитые волны с пенистыми хребтами перекатывались через меня; я захлебывался и задыхался.

Шум и крики становились все глуше; последний отчаянный вопль донесся до меня издали, и я понял, что «Мартинес» пошел ко дну. Потом — сколько прошло времени, не знаю, — я очнулся, и ужас снова овладел мной. Я был один. Я не слышал больше голосов, криков о помощи — только шум волн, которому туман придавал какую-то таинственную, вибрирующую гулкость. Паника, охватывающая человека, когда он в толпе и разделяет общую участь, не так ужасна, как страх, переживаемый в одиночестве. Куда несли меня волны? Краснолицый говорил, что отлив уходит через Золотые Ворота. Неужели меня унесет в открытое море? А ведь

мой спасательный пояс может развалиться в любую минуту! Я слышал, что эти пояса делают иногда из картона и тростника, и тогда, намокнув, они быстро теряют плавучесть. А я совсем не умел плавать. Я был один, и меня несло неведомо куда, среди извечной серой безбрежности. Признаюсь, мной овладело безумие, и я кричал, как кричали женщины, и бил по воде окоченевшими руками.

Не знаю, как долго это тянулось. Потом я впал в забытие и вспоминаю об этом только как о тревожном, мучительном сне. Когда я очнулся, казалось, прошли века. Почти над самой головой я увидел выступавший из тумана нос судна и три треугольных паруса, заходящие один за другой и наполненные ветром. Вода пенилась и клокотала там, где ее разрезал нос корабля, а я был как раз на его пути. Я хотел крикнуть, но у меня не хватило сил. Нос судна скользнул вниз, едва не задев меня, и волна перекатилась над моей головой. Затем мимо меня начал скользить длинный черный борт судна — так близко, что я мог бы коснуться его рукой. Я сделал попытку ухватиться за него, я готов был впиться в дерево ногтями, но руки мои были тяжелы и безжизненны. Я снова попытался крикнуть, но голос изменил мне.

Промелькнула мимо корма, нырнув в пучину между волнами, и я мельком увидел человека у штурвала и еще одного, спокойно курившего сигару. Я видел дымок, поднимавшийся от его сигары, когда он медленно повернул голову и скользнул взглядом по воде в мою сторону. Это был случайный, рассеянный взгляд, случайный поворот головы, одно из тех движений, которые люди делают машинально, когда они ничем не заняты, — просто из потребности в движении.

Но для меня в этом взгляде была жизнь или смерть. Я видел, как туман уже снова поглощает судно. Я видел спину рулевого и голову того, другого, когда он медлен-

но, очень медленно обернулся и его взгляд скользнул по воде. Это был отсутствующий взгляд человека, погруженного в думу, и я с ужасом подумал, что он все равно не заметит меня, даже если я попаду в поле его зрения. Но вот его взгляд упал на меня, и его глаза встретились с моими глазами. Он увидел меня. Прыгнув к штурвалу, он оттолкнул рулевого и сам быстро завертел колесо, выкрикивая в то же время какую-то команду. Судно начало отклоняться в сторону и почти в тот же миг скрылось в тумане.

Я почувствовал, что снова впадаю в беспамятство, и напряг все силы, чтобы не поддаться пустоте и мраку, стремившимся поглотить меня. Вскоре я услышал быстро приближавшийся плеск весел и чей-то голос. Потом, уже совсем близко, раздался сердитый окрик:

— Какого черта вы не откликаетесь?

Это мне кричат, подумал я и тут же провалился в пустоту и мрак.

ГЛАВА 2

Мне казалось, что какая-то сила качает и несет меня в мировом пространстве, подчинив мощному ритму. Мерцающие искорки вспыхивали и пролетали мимо. Я догадывался, что это звезды и огненные кометы, сопровождающие мой полет среди светил. Когда в своем качании я снова достиг вершины амплитуды и уже готов был пуститься в обратный путь, где-то ударил и загудел громадный гонг. Неисчислимо долго, целые столетия, безмятежно канувшие в вечность, наслаждался я своим исполинским полетом.

Но сон мой начал меняться, — а я уже понимал, что это сон. Амплитуда моего полета становилась все короче и короче. Меня начало бросать из стороны в сторону с раздражающей быстротой. Я едва успевал перевести

дух — с такой стремительностью мчался я в небесном пространстве. Гонг грохотал все чаще и яростнее. Я ждал каждого его удара с невыразимым ужасом. Потом мне показалось, что меня тащат по хрустящему, белому, раскаленному солнцем песку. Это причиняло мне невыносимые муки. Мою кожу опалял огонь. Гонг гудел, как похоронный колокол. Сверкающие точки мчались мимо нескончаемым потоком, словно вся звездная система проваливалась в пустоту. Я вздохнул, с трудом перевел дыхание и открыл глаза. Два человека, стоя на коленях, хлопотали надо мной. То, что качало меня в мощном ритме и несло куда-то, оказалось качкой судна на волнах океана, а вместо ужасного гонга я увидел висевшую на стене сковороду, которая бренчала и дребезжала при каждом наклоне судна. Хрустящий, опалявший меня огнем песок превратился в жесткие ладони какого-то человека, растиравшего мою обнаженную грудь. Я застонал от боли, приподнял голову и посмотрел на свое красное, воспаленное тело, покрытое каплями крови, проступившими сквозь расцарапанную кожу.

— Хватит, Ионсон, — сказал второй. — Не видишь, что ли, совсем содрал с джентльмена кожу!

Тот, кого называли Ионсоном, — человек могучего скандинавского типа, — перестал растирать меня и неуклюже поднялся на ноги. У второго — судя по выговору, типичного кокни¹ — были мелкие, почти женственные черты лица; внешность его позволяла предположить, что он с молоком матери впитал в себя перезвон лондонских церковных колоколов. Грязный полотняный колпак на голове и грубый засаленный передник на узких бедрах изобличали в нем кока того чрезвычайно грязного камбуза, в котором я находился.

¹ К о к н и — уроженец Лондона: так обычно называют простой лондонский люд.

— Ну, как вы себя чувствуете, сэр? — спросил он с угодливой улыбкой, которая является наследием многих поколений, привыкших получать на чай.

Вместо ответа я с усилием приподнялся и сел, а затем с помощью Ионсона встал на ноги. Дребезжание сковороды ужасно действовало мне на нервы. Я не мог собраться с мыслями. Ухватившись, чтобы не упасть, за деревянную переборку, оказавшуюся настолько соляной и грязной, что я невольно стиснул зубы от отвращения, я потянулся к несносной посудине, висевшей над топившейся плитой, снял ее с гвоздя и швырнул в ящик с углем.

Кок ухмыльнулся при таком проявлении нервозности. Он сунул мне в руку дымящуюся кружку с какой-то бурдой и сказал:

— Хлебните-ка, это пойдет вам на пользу!

В кружке было отвратительное пойло — корабельный кофе, — но оно все же согрело и оживило меня. Прихлебывая этот напиток, я рассматривал свою разодранную, окровавленную грудь, а затем обратился к скандинаву:

— Благодарю вас, мистер Ионсон, — сказал я. — Но не кажется ли вам, что вы применили ко мне слишком уж героические меры?

Не знаю, почувствовал ли он упрек в моих словах, но во всяком случае взгляд, который я бросил на свою грудь, был достаточно выразителен. В ответ он молча показал мне свою ладонь. Это была необыкновенно мозолистая ладонь. Я провел пальцами по ее роговым затвердениям, и у меня заныли зубы от неприятного ощущения шероховатой поверхности.

— Меня зовут Джонсон, а не Ионсон, — сказал он на правильном английском языке, медленно, но почти без акцента.

В его бледно-голубых глазах я прочел кроткий протест; вместе с тем в них была какая-то застенчивая пря-

мота и мужественность, которые сразу расположили меня к нему.

— Благодарю вас, мистер Джонсон, — поспешил я исправить свою ошибку и протянул ему руку.

Он медлил, смущенно и неуклюже переминаясь с ноги на ногу; потом решительно схватил мою руку и с чувством пожал ее.

— Не найдется ли у вас чего-нибудь, чтобы я мог переодеться? — спросил я кока, оглядывая свою мокрую одежду.

— Найдем, сэр! — живо отозвался тот. — Если вы не побрезгуете надеть мои вещи, я сбегаю вниз и притащу.

Он вышел, вернее, выскользнул из дверей с проворством, в котором мне почудилось что-то кошачье или даже змеиное. Эта его способность скользить ужом была, как я убедился впоследствии, весьма для него характерна.

— Где это я нахожусь? — спросил я Джонсона, которого не без основания принял за одного из матросов. — Что это за судно и куда оно идет?

— Мы около Фараллонских островов, на юго-запад от них, — неторопливо промолвил он, методично отвечая на мои вопросы и стараясь, по-видимому, как можно правильнее говорить по-английски. — Это шхуна «Призрак». Идем к берегам Японии — бить котиков.

— А кто капитан шхуны? Мне нужно повидаться с ним, как только я переоденусь.

На лице Джонсона неожиданно отразилось крайнее смущение и замешательство. Он ответил не сразу; видно было, что он тщательно подбирает слова и мысленно составляет исчерпывающий ответ.

— Капитан — Волк Ларсен, так его все называют. Я никогда не слышал его настоящего имени. Но говорите с ним поосторожнее. Он сегодня бешеный. Его помощник...

Он не закончил, — в камбуз нырнул кок.

— Убирайся-ка лучше отсюда, Ионсон! — сказал тот. — Старик хватится тебя на палубе, а нынче, если ему не угодишь, — беда.

Джонсон послушно направился к двери, подмигнув мне из-за спины кока с необычайно торжественным и значительным видом, словно желая выразить этим то, чего он не договорил, и внушить мне еще раз, что с капитаном надо разговаривать поосторожнее.

Через руку у кока было перекинуто какое-то грязное, мятое тряпье, от которого довольно скверно пахло.

— Оно было сырое, сэр, когда я его снял и спрятал, — почел он нужным объяснить мне. — Но вам придется пока обойтись этим, а потом я высушу ваше платье.

Цепляясь за переборки, так как судно сильно качало, я с помощью кока кое-как натянул на себя грубую фуфайку и невольно поежился от прикосновения колючей шерсти. Заметив, должно быть, гримасу на моем лице, кок ослабился.

— Ну, вам не навек привыкать к такой одежде. Кожато у вас нежная, словно у какой-нибудь леди. Я как увидел вас, так сразу понял, что вы — джентльмен.

Этот человек не понравился мне с первого взгляда, а когда он помогал мне одеваться, моя неприязнь к нему возросла еще больше. Его прикосновения вызывали во мне гадливость. Я сторонился его рук и вздрагивал, когда он дотрагивался до меня. Это неприятное чувство и запах, исходивший от кипевших и бурливших на плите кастрюль, заставили меня поспешить с переодеванием, чтобы поскорее выбраться на свежий воздух. К тому же мне нужно было еще договориться с капитаном относительно доставки меня на берег.

Дешевая сатиновая рубашка, с обтрепанным воротом и подозрительными, похожими на кровавые, пятнами на груди, была надета на меня под аккомпанемент

неумолчных пояснений и извинений. Туалет мой завершила пара грубых башмаков и синий выцветший комбинезон, у которого одна штанина оказалась дюймов на десять короче другой. Можно было подумать, что дявол пытался цапнуть через нее душу лондонца, но, не обнаружив таковой, оторвал со злости кусок оболочки.

— Но я не знаю, кого же мне благодарить? — спросил я, облачившись в это тряпье. На голове у меня красовалась фуражка, которая была мне мала, а поверх рубашки я натянул еще грязную полосатую бумазейную куртку; она едва доходила мне до талии, а рукава чуть прикрывали локти.

Кок самодовольно выпрямился, и заискивающая улыбка расплылась по его лицу. У меня был некоторый опыт, — я знал, как ведет себя прислуга на атлантических пароходах, когда рейс подходит к концу, и мог поклясться, что кок ожидает подачи. Однако мое дальнейшее знакомство с этим субъектом показало, что поза была бессознательной. Это была врожденная угодливость.

— Магридж, сэр, — пробормотал он с елеинной улыбкой на своем женственном лице. — Томас Магридж, сэр. К вашим услугам!

— Ладно, Томас, — сказал я. — Я не забуду вас, когда высохнет мое платье.

Его лицо просияло, глаза заблестели; казалось, голоса предков зазвучали в его душе, рождая смутные воспоминания о чаевых, полученных ими во время их пребывания на земле.

— Благодарю вас, сэр! — произнес он с чувством и почти искренним смирением.

Я отодвинул дверь, и кок, тоже как на роликах, скользнул в сторону; я вышел на палубу. Меня все еще пошатывало от слабости после долгого пребывания в воде. Порыв ветра налетел на меня, и я, сделав

несколько нетвердых шагов по качающейся палубе до угла рубки, поспешил ухватиться за него, чтобы не упасть. Сильно накренившись, шхуна скользила вверх и вниз по длинной тихоокеанской волне. Если, как сказал Джонсон, судно шло на юго-запад, то ветер, по моим расчетам, дул примерно с юга. Туман рассеялся, и поверхность воды искрилась на солнце. Я повернулся к востоку, где должна была находиться Калифорния, но не увидел ничего, кроме низко стлавшихся пластов тумана, того самого тумана, который вызвал катастрофу «Мартинеса» и был причиной моего бедственного положения. К северу, неподалеку от нас, из моря торчала группа голых скал, и на одной из них я различил маяк. К юго-западу, там, куда мы держали курс, я увидел пирамидальные очертания парусов какого-то корабля.

Оглядев море, я перевел взгляд на более близкие предметы. Моей первой мыслью было, что человек, потерпевший кораблекрушение и бывший на волосок от смерти, заслуживает, пожалуй, большего внимания, чем то, которое было мне оказано. Никто, как видно, не интересовался моей особой, кроме матроса у штурвала, с любопытством поглядывавшего на меня поверх рубки.

Все, казалось, были заняты тем, что происходило посреди палубы. Там, на крышке люка, лежал какой-то грузный мужчина. Он лежал на спине; рубашка на его груди, поросшей густыми, черными, похожими на шерсть волосами, была разодрана. Черная с проседью борода покрывала всю нижнюю часть его лица и шею. Борода, вероятно, была жесткая и пышная, но обвисла и слиплась, и с нее струйками стекала вода. Глаза его были закрыты — он, очевидно, находился без сознания, — но грудь тяжело вздымалась; он с шумом вбирал в себя воздух, широко раскрыв рот, борясь с удушьем. Один из матросов спокойно и методично, словно выполняя привычную обязанность, спускал за борт на ве-